

Ольга Бредникова

Хью Раффлз. Инсектопедия. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019. 416 с. ISBN 978-5-91103-460-3.

Ольга Бредникова, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург. Адрес для переписки: ЦНСИ, Лиговский проспект, 87, офис 301, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bred8@yandex.ru.

В сборнике Макса Фрая «Вавилонский голландец» (2009) собрано множество рассказов, объединенных сюжетом о том, как всего лишь одна книга может изменить жизнь человека, повернув его жизненный путь в совершенно иное направление. Речь в нем по сути идет о преобразующей силе книг, которые могут переворачивать сознание. Такие же сильные и вдохновляющие книги, меняющие подходы к тому, что ты делаешь, есть и в библиотеке социальных исследователей. В свое время такой книгой для меня стала монография Глории Анзалдуа «Borderlands/La Frontera» (Anzaldua 1987). Она не только раскрыла новые горизонты в исследовании границ, но изменила мое отношение к академическому письму и исследованию в принципе. Книга Анзалдуа поразила нестандартной исследовательской методологией, отталкивающейся от эмоций и впечатлений, откровенным присутствием автора в тексте, поэтическим письмом, в котором перемешаны языки и жанры. Она вызвала один вопрос: а что, так можно? С тех пор книг такого рода в поле моего зрения стало заметно больше. Однако следует признать: такой подход к академическому письму по-прежнему маргинален, и в нашем поле доминируют однотипные тексты, написанные в формате диссертаций – с введением в текст огромной дискуссии, с четкими исследовательскими вопросами, с препарированной и традиционно «бесстрастной» методологией. Не отрицая значение и пользу такого формата письма, мне бы хотелось выступить адвокатом альтернативных форм, которые не только подвергают сомнению устоявшиеся формы и расшатывают каноны, но в первую очередь рождают новые идеи, вызывают желание спорить, пробовать новое. На мой взгляд, книга Хью Раффлза «Инсектопедия» имеет такой же большой вдохновляющий потенциал.

Писать рецензию на эту книгу легко и сложно одновременно. Легко, потому что она завораживает и увлекает, хочется поделиться ею с коллегами, чтобы потом обязательно обсудить. Сложно, потому как необычный формат книги требует изменить традиционному жанру рецензии, который включал бы в себя сведения об авторе, короткое описание содержания и размышление об аудитории (кому было бы интересно и важно ее почитать). Пожалуй, можно обозначить жанр моего текста как «рецензия-впечатление». Здесь я бы хотела поразмышлять над тем, чем книга привлекает и затягивает, озвучить не столько тезисы автора, но идеи, которые они вызывают. Я бы хотела поблагодарить всех участников ридинг-группы проекта «Слоеный пирог соседства» (Елену Богданову, Ольгу Громашеву, Оксану Запорожец,

Елену Никифорову и Ольгу Ткач)¹, которые принимали участие в обсуждении книги, в связи с чем рецензия отчасти имеет коллективное авторство.

«Инсектопедия» составлена как своего рода энциклопедия насекомых, к чему, собственно говоря, отсылает название. Она собрала под своей обложкой 26 разномасштабных и разномастных эссе. Одни тексты состоят всего из пары страниц, другие представляются развернутыми исследованиями. Изданная как энциклопедия, книга открывает читателю свободу погружаться в нее «с любого места» или рассматривать картинки и фотографии, постепенно втягиваясь в текст. Каждое эссе посвящено различным видам насекомых – здесь есть жуки, бабочки, сверчки, тараканы, москиты, короеды и огромное множество других насекомых. Разнообразие этого мира почти непостижимо, оно вызывает восхищение, граничащее с ужасом. Насекомые настолько другие, отличные от всех и всего, что зачастую их воспринимают как потустороннее или инопланетное («Мухи – предвестники перехода в мир иной, вот только появляются они чуть раньше, чем следует» (с. 49)). В предисловии «Самое-самое начало» Раффлз пишет о силе насекомых: «Как они поглощены своими делами, как равнодушны к нам и как могущественны! Они почти никогда не делают того, что мы им велим. Они редко бывают тем, во что мы бы хотели их превратить. Они все время ускользают – от определений и из рук. Как же с ними сложно, какие же они – во всех отношениях – сложные!» (с. 9). Несмотря на то, что это книга про насекомых, она по сути не про них. Точно так же, как в книге Анны Левенхаупт Цзин (2017), где гриб мацутаки – отправная точка, повод поговорить о глобализации, капитализме, маргинальности и прочем, насекомые Раффлза выступают катализатором социальных феноменов и отношений между людьми. Речь в «Инсектопедии» идет о таких явлениях, как дружба, щедрость, смерть, квир и многое другое. Например, Раффлз размышляет о сущности смерти, разглядывая музейную коллекцию насекомых, где многочисленные мертвые жуки и бабочки пронумерованы и припилены булавками к стендам. По мнению автора, музей переопределяет смерть через ее эстетизацию (глава «Смерть», с. 46–50). Природа ксенофобии, механизмы антисемитизма прямолинейно и безжалостно рассматриваются через «гигиенический» подход к строительству нации и метафору (впрочем, не только метафору) борьбы со вшами и другими паразитами (глава «Евреи», с. 140–158).

Книга издана в серии «Новая антропология» под редакцией Алексея Юрчака в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и издательства «Ад Маргинем». Этот институциональный перекресток хорошо демонстрирует интердисциплинарность текстов книги, в частности их и антропологическую, и художественную перспективы. Так, несколько эссе посвящены работе художников с насекомыми и производству «эстетически красивого» и художественного в этом поле. При этом даже «художественно ориентированные» тексты глубоко антропологичны и социологичны. Так, созерцание иллюстраций

¹ Проекты «The Layered Cake of Russian-Finnish Neighborness: Everyday Interactions at Different Scales» (№ 80-36945) и «The Big Layered Cake: Towards the Conceptualization of Neighborness» (№ 201805086) поддержаны фондом Конне в 2016 и 2018 годах и реализуются Центром независимых социологических исследований.

фламандского миниатюриста Йориса Хуфнагеля к книге «Ignis», первому тому учебника по естествознанию «Четыре стихии», подводит Раффлза к следующим размышлениям: «Меня осенило, что Хуфнагель делал нечто другое. Он требовал, чтобы я не только видел насекомых, не только смотрел на них, не только наблюдал за ними – но и видел бы их совершенно новыми глазами, обнаружил бы инаковость и погрузился бы в нее, нашел бы основания для сопереживания при столкновении с биологической и социальной маргинальностью этих существ» (глава «Невыразимое», с. 129). Представляется, что вокруг основных персонажей «Инсектопедии» вырастает своего рода густая грибница социальных смыслов и контекстов, что действительно делает книгу энциклопедией, но не насекомых, а социального.

Денис Сивков писал в своей рецензии на «Инсектопедию»: «Этот мир [мир встречи людей и насекомых] может помочь нам увидеть себя и нечеловеческих существ совсем по-другому, понять, что все существа участвуют в создании мира. Возможно, в Шанхае люди умеют дружить друг с другом только потому, что научились дружить со сверчками» (2019:282). Итак, отношения людей с *насекомыми* и отношения людей *по поводу насекомых* не только помогают понять множество социальных феноменов, но и формируют, определяют их. Какими бы мизерными и даже незаметными человеческому глазу ни были эти существа, они обладают огромной силой. Раффлз пишет не только, скажем, о физическом превосходстве («Когда эффективной защиты нет, насекомые полностью лишают нас сил» (с. 74)), но и об их способности производить социальные дифференциации среди людей, формировать иерархии: в частности, москиты переносят малярию, которая, по свидетельствам Раффлза, «вынуждает семью стать маргиналами из маргиналов» (глава «Лихорадка», с. 73–76).

Как становится очевидно из «Инсектопедии», насекомые обладают агентностью, у них есть собственная воля, и касательно людей они могут реализовывать властные отношения. Наблюдая за телесными идиомами посетителей музея, где выставлены стенды с коллекциями насекомых, Раффлз отметил, что даже мертвые насекомые заставляют нас избегать их, держать дистанцию (глава «Смерть», с. 46–50). Интересно, что агентность у насекомых проявляется не только через их массовость, что было бы ожидаемо в связи с несопоставимыми размерами и масштабами, но даже через единичность. Несмотря на малые размеры насекомого, человек, зачастую, выстраивает с ними индивидуальные и даже личностные отношения – здесь уместно вспомнить общение Раффлза с тараканом, с которым они смотрели «глаза в глаза» друг другу, и при этом человек чувствовал себя равным своему визави (глава «Незримое», с. 283–286).

Разные эссе «Инсектопедии» позволяют увидеть множество пространств, где человек сталкивается с насекомыми, вступает с ними во взаимоотношения. Среди них – музей, кухня, тропический лес, голова человека, рынок, где продаются сверчки, и так далее. В рамках разных пространств разворачиваются разные дискурсы: эстетический, гигиенический, антропоцентрический, рыночный и другие. Раффлз открывает читателю целый спектр возможных отношений. Люди не только испытывают негативные эмоции и вступают в противостояние с насекомыми.

Кстати, метафора войны здесь, пожалуй, наиболее распространенная: люди и насекомые «борются», «держат оборону», «побеждают», «терпят поражение» и так далее. Люди и насекомые могут выстраивать и позитивные отношения, например, дружить – в такие отношения, по мнению Раффлза, вступают сверчки и тренеры по боям сверчков (глава «Щедрость», с. 76–118); заставлять себя любить как домашних питомцев или выступать в качестве посредников родительско-детской любви, когда отцы и сыновья вместе собирают коллекции жуков (глава «Тоска», с. 324–358). Таким образом, насекомые способны вызывать не только ужас и отторжение – они могут восхищать, и здесь можно вспомнить Сергея Довлатова, который писал об эlegantности тараканов и сравнивал их с гоночными автомобилями.

Очевидно, все-таки существует специфика отношений насекомых и человека. Мы можем не увидеть насекомых из-за их мизерных размеров, мы можем не слышать их, мы взаимно избегаем тактильности, при этом регулярно вступая во взаимоотношения. Все это, я полагаю, задает особые режимы сенсуальности и мультисенсорности нашего сосуществования, которое характеризуется взаимной невидимостью и в то же время умением читать следы сопричастия, мимолетностью столкновения и длительностью переживания этих встреч и пр. Следует также отметить роль эмоций в этих взаимоотношениях. Складывается впечатление, что эмоции по отношению к насекомым не столько сопровождают и оформляют эти отношения, но являются первичными, базовыми. Они предшествуют всему прочему. Человек изначально эмоционально и даже аффективно реагирует на (со-) присутствие насекомых, и все отношения выстраиваются исходя из них. Анализ режимов мультисенсорности и эмоциональности в отношениях между людьми и насекомыми, на мой взгляд, открывает интересные и важные перспективы для их понимания в эпоху антропоцена или, скажем, в эпоху обострения отношений с вирусами.

Мне представляется, что наиболее интересные идеи и мысли, которые рождает книга, связаны с исследовательской методологией и авторским жанром, которые выглядят неканоническими, какими-то очень вольными. Практически ни в одном эссе не прочитывается дизайн и методология исследования, это просто некие размышления вслух «по поводу». Тексты производят ощущение, будто в них нет фокуса, а автор перетекает от одной идеи и от одного тезиса к другому. При этом они выглядят как некий «портал в тему»: брошенная фраза или непрописанная идея хороши именно своей недосказанностью и недооформленностью, ибо открывают читателю возможность самому получить удовольствие от развития той или иной мысли, от нового озарения. Кстати, практически все биографические справки об авторе подчеркивают его нелинейный путь в академию: Раффлз, «прежде чем стать антропологом, успел поработать официантом, рабочим, техником в театре и диджеем в ночном клубе» (Сивков 2019:276), что, вероятно, объясняет широту его исследовательских подходов и смелость в нарушении академических традиций письма и расшатывании канонов.

После прочтения книги у меня остался вопрос: такой подход к письму – это лишь авторский прием (в частности, способность написать глубоко аналитический текст со множественными нечеткими тезисами и замаскированной методологией)

или же можно говорить об особом стиле исследования? Автор книги удивительно ярко и живо открывает читателю свое исследовательское поле, пересказывает увиденное и услышанное, вводит множество интереснейших контекстов или фактов, которые максимально расширяют тематику. Раффлз очень рефлексивен, он активно присутствует в тексте, пишет о своих эмоциях и переживаниях. Зачастую тезисы выводятся, вытекают именно из этих переживаний. Иногда эссе выстроены как расследование или приключение. Однако несмотря на неясность методологии и нестандартность письма, я полагаю, можно все-таки говорить о более или менее традиционном антропологическом исследовании, во всяком случае в тексте можно увидеть позицию исследователя – белого мужчины, который говорит о «сверчках и их самках»; или антрополога, который когда-то экзотизировал отдаленные племена, а сейчас так же экзотизирует насекомых – немного боится и восхищается ими, ищет различия и акцентирует сходства людей и насекомых. Очевидно, легче раскатать каноны письма, нежели базовые методологические принципы, лежащие в основе антропологического и социологического исследований.

Так или иначе «Инсектопедия», на мой взгляд, одна из тех книг, которые хотелось бы иметь дома в бумажном виде с тем чтобы иногда спонтанно брать ее с полки в поисках вдохновения или идей, связанных не столько с исследованием насекомых или, шире, «не-человеков», сколько с любыми другими темами; или в поисках собственного голоса и стиля письма. Она из тех книг, которые было бы хорошо включать в учебные курсы, для того чтобы расширять исследовательские и писательские горизонты студентов, снимая вопрос «а что, так тоже можно?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сивков, Денис. 2019. Рецензия на *Дружить со сверчками, или Культурная жизнь насекомых*, Хью Раффлз. *Социология власти* 31(3):276–283. doi:10.22394/2074-0492-2019-3-276-283.
- Фрай, Макс, сост. 2009. *Вавилонский голландец. Антология*. СПб.: Амфора.
- Цзин, Анна Левенхаупт. 2017. *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Anzaldúa, Gloria. 1987. *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco: Spinsters/Aunt Lute.